

ДИПЛОМАТИЧЕСКИЕ СВЯЗИ КНЯЗЯ ФЕРЕНЦА II РАКОЦИ С ЦАРЕМ ПЕТРОМ I В ОЦЕНКАХ ВЕНГЕРСКИХ ИСТОРИКОВ

К. Папп

Дебреценский университет (Венгрия)

Поступила в редакцию 21 мая 2014 г.

Аннотация: в статье анализируются различные взгляды венгерских историков на взаимоотношения руководителя антигабсбургской национально-освободительной войны венгерского народа князя Ференца II Ракоци с русским царем Петром I. Показано, как в условиях Северной войны Россия осуществляла внешнюю политику, пытаясь обрести союзников в Европе, и какая роль в этих планах отводилась мятежному венгерскому князю.

Ключевые слова: русско-венгерские отношения, внешняя политика России при Петре Первом, историография русской политики князя Ракоци, империя Габсбургов, восстание куруцев.

Abstract: the article analyzes the different views on the relationship between the Hungarian historians antigabsburgskoy leader of the national liberati on war of the Hungarian people of Prince Francis II Rákóczi with Russian Tsar Peter I. It is shown both in the Northern War, Russia entered into foreign policy, trying to find allies in Europe, and what role in these plans was assigned to the rebellious Hungarian prince.

Key words: Russian-Hungarian relations, foreign policy of Russia under Peter the Great, Russian historiography policy of Prince Rákóczi, the Habsburg Empire, the rebellion kurutsev.

Почти в каждой статье, посвященной эпохе князя Ференца II Ракоци, можно обнаружить ссылку на русско-венгерские отношения начала XVIII в. Венгерские историки в зависимости от изучаемых источников показывают эти связи не только как одно из возможных направлений внешней политики того времени, проводимых венгерской дипломатией, но и оценивают политические стремления Ференца Ракоци или Русского царского двора, пытаются определять их внешнеполитические цели.

Огромное значение имело то обстоятельство, что еще в 1870-е гг. под редакцией Калмана Тали [1], вышла в свет переписка руководителей (Ракоци, Берчени, Каройи и т.д.) освободительной борьбы, опираясь на которую, Тали предпринял попытку описать события того времени. Правда, ученый, иногда независимо от содержания писем, дал идеализированную картину об отношениях Петра Первого и венгерского князя.

Эпохой князя Ференца II Ракоци занимался и Игнац Ачади в десятитомной «Истории Венгрии» [2], которая была подготовлена и издана к 1000-летней годовщине поселения венгров в Карпатской долине. Ачади проанализировал и последствия подписанного в 1707 г. «Варшавского договора». Описывая поездку графа Берчени в Польшу (весной 1707 г.), Ачади замечает: «уже тогда было ясно, что предложение, посланное Ференцу Ракоци царем, было без серьезного обоснования». Анализируя дипломатические

события осени 1707 – весны 1708 гг., он решительно утверждает: «...Ракоци держал договор в руках, но это не принесло ему никакой пользы».

Ачади увидел связь между сближением князя Ракоци с Россией и его намерениями занять польский престол (чего требовал от него сам царь). Историк предположил, что усиление агрессии со стороны Австрии носило, прежде всего, мстительный характер. По утверждениям Ачади, Венский двор стремился доказать, что и в Венгрии, и в Трансильвании (где Ракоци тоже был избран князем) хозяином положения является Вена, а князь Ракоци – всего лишь бунтовщик [2, с. 641–642].

В начале XX в. русскую политику Ракоци исследовал Шандор Марки [3–5]. В биографии Ракоци, которую предваряло посвящение Калману Тали (1910), оценки исследователя повторили давние выводы его учителя. Ш. Марки слишком узко понимал русско-венгерские отношения, сводя их лишь к эпизоду русской помощи 1707 г. Поэтому историк не прослеживал в своих работах дальнейшее развитие этих отношений.

В юбилейном сборнике, посвященном памяти Ракоци [6, с. 149], Антал Балла опубликовал статью о жизни князя. В ней он вспомнил и о словах министра иностранных дел Австро-Венгерской монархии Дюлы Андраши, который считал «дружбу с московской великой державой чрезвычайно ошибочной для Венгрии, ведь это принесло бы на нашу шею славянскую угрозу, что стало бы более опасным, чем союз

с Австрией» [7]. Работа Андраши хорошо демонстрировала политическую конъюнктуру в понимании исторических событий. Но для юбилейного сборника избрали иной подход: князь Ракоци был показан не только как политик венгерского, но и международного уровня.

В том же году (1935) вышел в свет и четвертый том «Истории Венгрии» Балинта Хомана и Дюлы Секфю. Секфю, как ранее и Андраши, дошел до крайностей в оценке русско-венгерских отношений начала XVIII в. Он утверждал, что варшавские пункты договора при тогдашних обстоятельствах выполнить было невозможно. Петр Первый в глазах исследователя был жестоким и эгоистичным представителем «Северного колосса», а сближение Ракоци с Россией Секфю считал первым ирреальным шагом в дипломатии венгерского князя – «ведь невозможно было ожидать, чтобы французский двор примирил шведского короля Карла XII с царем Петром Первым». Секфю отрицательно относился и к графу Берчени: «он с самого начала событий считал бесперспективными надежды на помощь от Франции, а наоборот, ожидал много, почти всего, от Турции, а потом и от русской власти» [8, с. 295, 306]. По его мнению, Берчени слишком оптимистически смотрел на русскую помощь и в конце концов убедил в этом и князя Ракоци.

Позиция Секфю хорошо передает политическое настроение части венгерской интеллигенции 1930-х гг., для которой в то время важны были отношения Венгрии с Францией, а не с Германией. По этой причине они признавали только то направление внешней политики Венгрии, которое было ориентировано на Запад. Вот почему Секфю резко критикует интриги Петра I и молчит о стремлениях Ракоци остаться при этом в мирных отношениях со шведским королем, врагом русского царя.

После Второй мировой войны взгляд на указанную проблему изменился. Первую пропагандистскую книжку о добрососедских отношениях между Россией и Венгрией издали в 1945 г. с помощью советско-венгерской ассоциации. Краткая статья Белы Иллеша [9, с. 27, 30] содержит подчас и курьезные измышления. Так, например, автор без всякого обоснования утверждал, что Ракоци уже до начала восстания переписывался с русским царем и что в 1703 г. венгерского князя ожидали в Кракове 7000 золотых монет и 46 артиллеристов, полученных от царя. Эти последние проводжали Ракоци до венгерской границы, но там в первую же ночь у «Красного кабака» на него напали немцы, и в столкновении все помощники князя погибли. Подлинность этого примитивного домысла не подтверждает ни один источник.

Первым результатом совместных научных исследований историков Агнеш Р. Варкони и Белы Кёпеци

стала биография Ференца II Ракоци (1955). По мнению Агнеш Варкони, возможности союза с Петром Первым искал не венгерский князь, а наоборот, Петр «как настоящий, великий государь видел в Ракоци не бунтовщика, а равное себе лицо, представляющее значительную силу» [10, с. 264–265].

Варкони считала русско-венгерский союз максимальным достижением внешней политики периода освободительной борьбы, ведь, по ее мнению, куруцы могли ожидать серьезной военной поддержки от России.

В сборнике Исторического института Венгерской академии наук (1956) Йожеф Перени подвел итог своим исследованиям о зарождении дипломатических связей между Ракоци и Петром Первым [11, с. 52–95]. Он доказал, что первичной целью русского царя явилась не военная и дипломатическая поддержка восставшего венгерского князя. Петр рассматривал Ракоци как своего кандидата на польский престол и вследствие этого ожидал от венгерского князя поддержку русских в борьбе против шведов и активную посредническую роль в изменении позиции Французского двора в пользу России. Но за все это время, по мнению Й. Перени, «русские не захотели включить в текст договора ни одного пункта, который явно мог бы поссорить их с императором» [11, с. 88]. Перени положительно оценил «Варшавский договор». Но он считал, что намерением князя Ракоци было участие (при посредничестве Франции) в примирении русских и шведских интересов, чтобы впоследствии заключить с обеими сторонами выгодные для Венгрии договоры. Поэтому Перени писал о договоре не как о конечной цели, а как о хорошем компромиссе, с помощью которого Ракоци старался «предотвратить опасность возможного нападения Русской империи на стороне Австрии на Венгрию» [11, с. 91] и одновременно показать себя легитимным правителем. Подобное развитие событий Й. Перени считал нереальным.

Статья о посланнике Петра I Емельяне Украинцеве, написанная Яношем Варади-Штернбергом в 1959 г., обогащала венгерскую историографию подробным описанием последствий договора [12, с. 233–251]. Исследователь сообщил, что уже весной 1708 г. произошли события (вторжение шведов в Россию), которые ослабили значение договора. Русские офицеры, купцы, курьеры получили возможность свободно проезжать через Венгрию, возобновились торговые отношения (из России привозили меховые товары, а венгры посылали туда токайское вино). Ракоци при помощи своих послов по-прежнему пытался влиять на Францию. Позицию России в переговорах Венского двора и Ракоци Венгрия приняла с одобрением, хотя Ракоци и ведущие силы освободительной борьбы не изменили своих прежних требований по отношению к Габсбургам.

Агнеш Р. Варкони и Бела Кёпеци в 300-летнюю годовщину рождения Ференца II Ракоци переработали свою написанную еще в 1950-е гг. книгу. Варкони уже имела возможность написать о том, что Ракоци был не только кандидатом царя Петра Первого на польский престол, но и тем самым человеком, в лице которого царь Петр I хотел завоевать доверие так называемой «французской партии» в Польше. Исследовательница утверждала, что французская дипломатия приняла враждебно дипломатические шаги венгерского князя (особенно после решения того стать польским королем): «Князь Ракоци до сих пор не принимал столь опасных по своим последствиям решений, как решение согласиться с предложением русского царя и прельститься обещаниями получить польскую корону» [10, с. 290].

В новом издании книги исследовательница уже не дает столь однозначной оценки «Варшавскому договору», указывая, что хотя в конце 1707 г. князь Ракоци и должен был объясняться в шведском и польском дворах, но при этом отношения с Россией по-прежнему имели для него более важное значение.

Трагедия венгров в тот исторический период состояла в том, что ухудшение венгерско-французских отношений привело Ракоци к русской ориентации в то время, когда в глазах Петра Первого именно французская связь венгерского князя оценивалась чрезвычайно высоко. Положение в некоторой степени улучшилось весной 1708 г., когда французский король Людовик XIV уже был готов заключить союз с Ракоци как с избранным князем Трансильвании и представителем венгерской сословности, хотя и считал такой союз маловажным: «...ведь просто невозможно снова дать ему помощь» [10, с. 313] – писал он венгерскому послу. Венгерский посол Ласло Кёкенешди, наоборот, пытался убедить Ракоци в реальности помощи со стороны Людовика XVI. А после поражения венгерской армии от Габсбургской империи около города Тренчина (3 августа 1708 г.) французский король окончательно отвернулся от венгров, поддерживая шведскую политику (после Полтавской победы русских) и выступая против интересов России.

А. Варкони, опираясь на ранние исследования, дала в книге не только многосторонний анализ деятельности Е. Украинцева, но и показала существенное различие намерений русского царя и его венского посла П. Урбиха. Пока Петр Первый при переговорах считал важным существование Трансильванского княжества во главе с Ракоци, Урбих, прямо нарушая полученные от царя приказы, предложил князю Ракоци (так же, как и венские дипломаты) вместо Трансильвании другое княжеское имение. В 1711 г. при переговорах с венскими кругами Ракоци не изменил своего мнения о союзе с Россией: «Победы русских дают нам лучшую и неизменную надежду на будущее,

чем можно ожидать от обещаний генерала Пальфи» [10, с. 348]. Генерал Янош Пальфи в 1711 г. возглавлял габсбургскую армию и вел переговоры с Шандором Каройи, полномочным представителем Ракоци.

А. Варкони показала, что Ракоци даже после мирного договора с Габсбургами (Сатмар, 30 апреля 1711 г.) ожидал русскую военную помощь и только в августе 1711 г. после встречи с русским царем заявил, что все его иллюзии рассеялись.

На лекциях научного заседания 24–26 мая 1976 г. в Шарошпатаке много внимания было уделено вопросам внешней политики в период освободительной борьбы. Бела Кёпеци в своем докладе показал реальное отношение короля Людовика XIV к венгерскому князю: «Его сиятельство не склонно было считать Ракоци бунтовщиком против габсбургского императора. Он считал его законным наследником своего деда (трансильванского князя Дьёрдя II Ракоци), суверенным князем Трансильвании и союзником Швеции и Франции. Французский король был уверен, что габсбургский император незаконно захотел завладеть Трансильванией, и князь Ракоци во главе своей свободолубивой нации борется за свои права» [13, с. 18].

Калман Бенда [13, с. 29] увидел в действиях русского царя (1707) «неожиданную возможность» включить венгерские интересы в европейскую политику. Но исходя из военной обстановки того периода, Петр Первый не мог рисковать из-за венгров отношениями с Веной, чтобы не допустить возможности ее сближения с Турцией. По мнению Бенды, даже русско-французские переговоры не могли бы поссорить Россию с Габсбургским двором. Вл. А. Артамонов анализировал вопросы русско-польско-венгерского союза. На основе архивных материалов он показал нереальность надежд венгров на военную поддержку России. По мнению исследователя, русским надеждам на мирный договор между венской и венгерской сторонами препятствовали крайне жесткие требования венгров и отказ австрийских господствующих кругов выполнять их. Историк утверждал, что начиная с 1709 г. русская поддержка для Ракоци стала чрезвычайно важной. Поэтому в 1710 г. он мог уже предложить венгерскую корону русскому царевичу или князю Меншикову. Даже начались переговоры о создании русского протектората в Венгрии.

В 1711 г. вопреки сведениям венгерских источников русский царь отказался предоставить убежище венгерским руководителям (Ракоци, Берчени и т.д.) [13, с. 50]. Против подобной точки зрения выступил Янош Варади-Штернберг, который процитировал письмо царя от 4 октября 1711 г. своему венскому послу П. Урбиху, из которого можно было сделать вывод о благожелательности русского царя. В своем письме Петр Первый высказал возможность стать

посредником между куруцскими и венскими руководителями: «...но если император этого не пожелает, то царь не будет настаивать» [13, с. 80–81].

На основе краткого обзора можно сказать, что для анализа внешней политики русско-венгерских отношений начала XVIII в. желательнее использовать более широкий круг архивных материалов России, Польши, Австрии и даже Турции. Исследователь может только надеяться, что анализ и оценка событий того времени в конце концов освободятся от политической конъюнктуры, и историки наконец смогут, говоря словами самого князя Ракоци, изучать «обстоятельства и дух той эпохи, интеллектуальность ее государей и королевских дворов, с которыми венграм надо было договариваться» [14, с. 17–18].

ЛИТЕРАТУРА

1. Archivum Rákócziánium / ред. К. Тали. – Т. 1–9. – Пешт, 1872 ; Будапешт, 1883.
2. История Венгерской Нации / ред. Ш. Силади. – Т. VII. – Будапешт, 1896.
3. Марки Ш. Ференц II Ракоци / Ш. Марки. – Т. 1–3. – Будапешт, 1907–1910.
4. Марки Ш. Русско-венгерский союз 1707 года / Ш. Марки. – Будапешт, 1901.
5. Марки Ш. Царь Петр Великий и Ференц II Ракоци / Ш. Марки. – Будапешт, 1913.
6. Юбилейный сборник на 200-летнюю годовщину смерти Ракоци / ред. И. Лукинич. – Т. 1–2. – Будапешт, 1935.
7. Андраши Д. О венгерской конституции и о причинах сохранения государства / Д. Андраши. – Будапешт, 1901–1911.
8. Хоман Б. История Венгрии / Б. Хоман, Д. Секфю. – Т. 4. – Будапешт, 1935.
9. Фогараши Б. Венгерско-русские исторические отношения / Б. Фогараши, Б. Иллеш. – Будапешт, 1945.
10. Кёпеци Б. Ференц II Ракоци / Б. Кёпеци, А. Р. Варкони. – Будапешт, 1955.
11. Перени Й. Начало дипломатических связей Ференца II Ракоци с Петром I. Венгерско-русские исторические связи / Й. Перени ; ред. Э. Ковач. – Будапешт, 1956.
12. Варади-Штернберг Я. Украинцев, царский посол в Венгрии в 1708 году / Я. Варади-Штернберг. – Веки, 1959.
13. Европа и освободительная борьба Ракоци / ред. К. Бенда. – Будапешт, 1980.
14. Мемуары князя Ракоци о венгерской войне с 1703 года до конца (1711). – Пешт, 1872.

Дебреценский университет

*Пани К., доктор исторических наук, декан
E-mail: papp.klara@arts.unideb.hu
Тел.: (30) 912-38-62*

University of Debrecen

*Papp K., Doctor of Historical Sciences, Dean
E-mail: papp.klara@arts.unideb.hu
Tel.: (30) 912-38-62*